

ТОВАРНЫЙ ФЕТИШИЗМ – ОСНОВА ПОЗНАНИЯ ЭКОНОМИКИ COMMODITY FETISHISM – A BASIS FOR ECONOMY'S COGNITION

Сергей МАРТЫНОВСКИЙ,
доктор экономических наук, Одесса

Sergey MARTYNOVSKY,
PhD Economics, Odessa

Из всех точных наук, используемых человечеством, самой непознанной остается экономика. Во-первых, ее основа – рынок – подвержен непрерывным изменениям. И, во-вторых, что, возможно, самое сложное, источником ее познания для анализа и осознания остается проблема, которая еще со времен К.Маркса называется «товарный фетишизм».

Вопросы товарного фетишизма не только никогда не подвергались глубокому и тщательному исследованию, но даже не затрагивались на протяжении столетий, исключая исследование К.Маркса в первой главе первого тома «Капитала», не лишнее целого ряда непоследовательностей и ошибок [1, с.80-93].

Для познания сути экономических проблем прежде всего необходимо новый метод анализа, кроме использованного Марксом гегелевского логического метода (назовем его эволюционным). При этом нужно также преодолеть целый слой превращенных, фетишистских экономических форм или явлений, лежащих на пути познания их экономической сущности, глубоко скрытой, в отличие от других точных наук, когда содержание и его превращенная форма находятся часто почти рядом.

В процессе возникновения и развития экономики происходят непрерывные изменения системы товарного фетишизма: от его отсутствия в начале возникновения рынка до его господства в период развитого товарного производства, которое соответствует понятию «капитал», и затем постепенного его умирания под влиянием множества факторов. В основе последних лежит процесс обобществления, развивающийся в форме экономической монополии, порожденный научно-техническим прогрессом, превращающимся в революцию.

Поэтому под влиянием непрерывных изменений, которые происходят в экономике, формируются самые различные взгляды на то, что составляет ее предмет. И невозможно определить то общее, что характерно для нее на протяжении тысячелетий, с тех пор, когда родились первые определения предмета этой науки Аристотелем вплоть до нашего времени.

П.Самуэльсон – автор многочисленных изданий по экономике, лауреат Нобелевской премии, перечисляя многие определения ее предмета, отвергает самое главное из них, а именно то, что эта наука о рынке, явно отождествляя рынок и формы его проявления в магазинах, на базаре и т.д., что совсем другое, когда форма противоречит содержанию. Он считает, что экономика «это наука о том, какие из редких производительных ресурсов, люди и общество с течением времени, с помощью денег или без их участия избирают для производства различных товаров и распределения их в целях потребления в настоящем и

будущем между различными людьми и группами общества» [2, с. 38].

Такое понимание предмета этой науки не только свидетельствует о незнании ее основы – товарного фетишизма, но и повторяет две довольно старые, опровергнутые наукой и практикой теории: одну

– выдвинутую Т.Р.Мальтусом о росте народонаселения, превышающем темпы развития производства, и вторую – теоретическую систему Д.С.Милля, разложившего экономику на три системы, такие как производство, распределение и обмен.

Теория Милля очень широко использовалась во всех учебных и научных изданиях советского периода и после него. Периоды можно разделить лишь формально – до и после распада советской империи, то есть чисто географически. Ведь в области экономики они одинаково деградируют. Поскольку производство, распределение и обмен (большевики добавили еще и потребление) – это одно и то же, то все оно может существовать и без рынка, и соответственно без экономики. В этом необходимо подробно разобраться, если понять, что есть экономика.

А экономика (о чем мы будем говорить подробно в дальнейшем) – это наука о рынке, о всеобщем неосознанном приравнивании результатов человеческой деятельности, выраженной в деньгах. Поскольку каждая точная наука, если руководствоваться гегелевским логическим методом, требует анализа в классическом чистом виде, то, в отличие от природных производственных наук, экономика требует двух методов анализа – классического и эволюционного.

Классический метод соответствует наиболее развитому состоянию экономической (рыночной) системы, которую следует называть капиталом, когда весь категориальный аппарат рынка проявляется в полной мере. Например, когда стоимость товара становится процессом приравнивания простого труда, созданного при детальном его разделении внутри предприятия. До этого труд был сложным и вряд ли приравниваемый, как ошибочно считал К.Маркс, когда деньги при-

обретали все пять функций, а формы капитала достигали своего расцвета, превращенно отражая его сущность.

Используя гегелевский логический метод, Маркс исследовал экономику капитализма в его чистой классической форме капитала, наступившего в XIX веке, игнорируя процесс его длительного возникновения на протяжении столетий, а потом его закономерное умирание на основе развития научного и технического прогресса в форме экономической монополии.

Маркс рассмотрел сущность капитала в I томе «Капитала», формы его проявления, искажающие сущ-

В статье проанализирована сущность товарного фетишизма и процесс его изменения в ходе развития экономики – от его расцвета в XIX веке до постепенного умирания в ходе обобществления производства. Подчеркнута необходимость соответствия экономической политики уровню развития рыночных, товарных связей. Обосновано, что, учитывая многоукладность, точнее мозаичность, экономики Украины, необходимо обеспечить минимальное вмешательство государства в экономику, его содействие развитию рыночной инфраструктуры, а также проведение налоговой политики, способствующей смягчению классовых антагонизмов.

The essence of commodity fetishism and process of its alternation during economic development of from its blossoming in XIX century till gradual dying while socialization of production is analyzed in this paper. Necessity of conformity of economic policy to the level of development of market and trade relations is underlined. It is proved that taking into account multi-leveling type (or mosaic type) of Ukraine economy, it is necessary to provide the minimal intervention of the state policy in it. Also state assistance to develop market infrastructure and carrying out of the tax policy promoting mitigation of class antagonisms is needed.

ность, – во II томе, а единство формы и содержания – в III томе на основе явлений товарного фетишизма, полностью противоположную его сущности. В этом его великая заслуга, но и недостаток: игнорирование процесса созревания капитала, который сопровождается буржуазно-демократическими революциями, расчищающими пути наступления развитого капитала.

Поэтому у него основная категория системы капитала – стоимость – возникает еще в XVII веке у Уильяма Петти, а не в XIX, когда труд становится простым, на основе его разделения и подетальной специализации в пределах крупных предприятий.

Более того, он считал, что капитализм погибнет от мировой пролетарской революции, не понимая, что капитализм сам себя уничтожает (отрицание отрицания по Г.Гегелю), создавая для этого все условия, развивая массовое поточное производство на базе научно-технического прогресса, превращающегося в научно-техническую революцию и вызывающего процесс обобществления в форме экономических монополий.

Однако при этом необходимо отметить, что в III томе «Капитала» Маркс обнаруживает самоотрицание капитала, правда, в юридической форме, как отделение капитала-собственности от капитала-функции, которым управляют наемные служащие. На этом реальный процесс умирания капитала у него ограничивается.

Но главная проблема для понимания эволюции капитала и товарного фетишизма, изменяющегося на этой основе, состоит в том, что простой труд, создавший стоимость и поэтому сформировавший капитал, означает начало процесса его умирания. И главным двигателем, начавший этот процесс, был человек, абсолютно этого не осознавший (товарный фетишизм), а именно – великий инженер-изобретатель Генри Форд-старший, основавший автомобильный концерн «Форд».

Именно Форд в интересах развития производства и увеличения прибыли вывел отдельные детали производства целого продукта – автомобиля – за пределы сборочных заводов: их начинают выпускать отдельные самостоятельные мелкие предприятия. Тем самым он создал основу массового специализированного поточного производства, поддающегося механизации, а затем и автоматизации всего производственного процесса в дальнейшем.

Предприятия, которые производят отдельные детали готового продукта, теперь связаны уже не косвенно, через рынок, а напрямую и могут функционировать лишь по плану, подчиняясь единому контролю. Такое производство в дальнейшем охватило весь высокоразвитый мир в сферах материального производства.

Строгая и четкая организация производства, существовавшая прежде внутри предприятия, переходит на новое образование в системе разделения труда, возникает хозяйственный комплекс, проходящий целый ряд стадий в своем развитии, вплоть до образования конгломератов. Все это приходит на смену частному разделению труда и отраслевого строения производства, которое исчезает. Весь этот процесс может быть назван реальным обобществлением производства, в отличие от формального юридического, по замыслу большевиков-ленинцев названного общественной собственностью как основой социализма.

Это перепутывание экономического и юридического как проявления товарного фетишизма привело в экономической науке и на практике к величайшей катастрофе за всю историю человечества и, не побоюсь сказать, к гибели сотен миллионов людей, а также к повороту истории вспять к временам феодализма и рабства.

Такое перепутывание экономики и права характерно не только для большевиков-ленинцев и их современных последователей, но и для западной экономической науки, что, к счастью, не имело катастрофических последствий, так как в высокоразвитых демократических странах юридические

формы самоизменяются вслед за экономическими, а не предшествуют им.

Более того, частная собственность не является следствием волевого провозглашения правящей элиты, а формируется лишь на основе развитых товарных связей, которые называются капиталом, на протяжении XVIII и особенно XIX веков, возникших стихийно, по мере ликвидации феодализма и зачистки его остатков в ходе буржуазных революций. Таким образом, частная собственность есть юридическая, правовая форма развитых отношений капитала, наступивших вопреки воле и сознанию, зафиксированных в юридических правовых актах, как результат сложившихся отношений капитала, до которого нам еще далекий путь.

Частная собственность наступает тогда, когда возникает неотложная объективная необходимость вкладывать в развитие производства определенную часть созданной стоимости за вычетом заработной платы рабочим и стоимости, идущей на личное потребление предпринимателя, и чем больше, тем лучше в условиях конкурентной борьбы на выживание.

А то, что называется в постсоветских странах «частной собственностью», по сути является личной собственностью, полученной совсем не экономическими, а скорее криминальными путями, объединенными в устоявшееся непонятное название – коррупция. Поэтому для спасения экономики постсоветских стран необходима разработка огромной системы юридических законов и мер, которые предотвратили бы хищническое использование личных богатств и сделали бы необходимою вкладывать их в развитие экономики собственной страны, а не в непроизводительные сферы, которые препятствовали бы вывозу денег за границу для покупки предметов роскоши, не дающих никакой пользы для собственной страны, по Кейнсу – мультиплицирующего эффекта, взаимосвязывающего все стадии производства конечного продукта.

Товарный фетишизм подвержен непрерывным изменениям в зависимости от уровня развития экономики. Он достигает своего расцвета в эпоху господства капитала в XIX веке, а затем изменяется и постепенно умирает. От возможности проникнуть в сущность экономических процессов, преодолевая многочисленный слой превращенных форм, скрывающих эту сущность, зависят судьбы развития экономики и соответственно положение людей в каждой стране современного мира. Отсюда возникает настоятельная необходимость определения уровня развития каждой страны, без чего проведение адекватной этому уровню развития методов экономической политики – невозможно.

Конечно, в какой-то степени установить уровень развития помогает и статистика (объем национального дохода на душу населения и т.п.). Но, учитывая огромные погрешности, созданные часто сознательно и без должного освоения статистической науки, необходимо использовать прежде всего уровень развития категориального аппарата экономики, достигнутый каждой страной, для сравнения его с категориями наиболее развитого состояния, называемого капиталом.

Moreover, a private property is not the developed market relationships (identified as the capital), emerging during XVIII and maturing in XIX century. It appeared spontaneously, in process of dismantling feudalism and clearing off its remnants in the course of bourgeois revolutions. Whence? The private property there is juridical, legal form of the developed relations of the capital, approached notwithstanding will and consciences, fixed in legal Acts, because of the established relations of the capital. As to us, we have a long way to go to reach this point.

The private property emerges when there is an urgent external necessity to invest in manufacturing development a certain part of the created value, – minus a labour cost and a cost going for a personal consumption. In addition, the more could be invested, the better conditions of the competitive fight on survival.

In addition, that what is called in the post-Soviet countries a «private property» is, as a matter of fact, a “personal property” received not by economic ways, but rather by criminal ways. These criminal ways united in settled incomprehensible name – a “corruption”.

So, to save the economy of post-Soviet countries, there is an urgent need to develop a huge system of legal acts and policies, that would prevent the predatory use of the personal riches and would create a “must conditions” to invest into productive fields of economics of their own country, rather than in non-productive; to prevent money outflow from the country in order to purchase luxury goods, giving no benefit for their own country, what is, according to John Keynes, was called an “effect of multiplication” , that interconnects all stages of the final output.

The commodity fetishism is subject to continuous changes based on economy development level. It reached its peak in XIX century during domination of the capital, keeps reshaping and gradually dies. From the possibility to get into essence of the economic progress and to overcome multiple layers of the transformed forms, hiding this essence, depends the fates of economy development and economic standing of people in every country of the modern world.

From here, there is an imperative need for feasible study of a level of economy development of each country, without what is impossible to enforce and implement an adequate economic acts and policy.

Certainly, the statistics indices are helping also to some extent in estimation of a level of development (the volume of the national income per capita, etc.). However, considering enormous inaccuracy, created often consciously and without due mastering the statistical science, it is imperative to estimate rather a level of developed economic categorical vehicle, reached by each country. In order to compare it with categories of the most developed condition named the capital.

Например, если рассмотреть такую категорию, как деньги, которые при развитом капитале XIX века имеют пять функций, то сразу же выясняется, на каком уровне развития находится каждая страна. У нас деньги по существу выполняют лишь одну функцию – средства обращения, действующей благодаря своей мимолетной роли посредника при осуществлении актов купли-продажи. Тогда как в развитых странах они постепенно теряют свои функции, такие как мера стоимости, а другие функции сливаются в новые формы, что требует детального анализа.

Что касается такого свойства товара, как стоимость (часто это слово неоправданно употребляется при сделках), то этого свойства наша экономика явно не достигла. Ведь стоимость возникает лишь в условиях развитого капитала XIX века, когда внутри предприятия разделение труда становится подетальным – единичным, что создает реальную возможность эквивалентного обмена на рынке.

Конечно, при выяснении уровня развития каждой страны можно использовать такой статистический показатель, как возраст основного капитала, его активной части, который трудно статистически значительно исказить. У нас в Украине он достигает 30-35 лет, в России – 20-25 лет. Таким он был в Великобритании в XVIII веке, что лишний раз подтверждает нашу громадную экономическую отсталость, выяснение уровня, который по крайней мере необходим для выработки и осуществления многих мер экономической политики, без чего мы обречены на вечное прозябание. И истоки его (всегда надо помнить!) идут от октябрьского переворота 1917 года, то есть того ужаса, который лишает нас до сих пор возможности элементарного познания экономической науки.

Таким образом, товарный фетишизм расцветает в XIX веке, когда современные высокоразвитые страны достигли уровня

классического капитала – развитых товарных отношений. Их материальная основа – машинное производство, энергия пара, а затем и дизеля. Отсюда возникает отраслевое строение производства, свобода человеческой личности и превращение в товар его способности к труду, то есть рабочей силы, обособленность предприятий друг от друга и объективная неосознанная необходимость приравнивания стоимостей товара, а юридическая форма этой экономической системы – право частной собственности.

Все это заставляет предпринимателя вкладывать в производство максимально возможные денежные средства в условиях конкуренции и опасности разорения. Естественно, для достижения такого уровня развития, которое может служить исторической линией раздела между развитым и малоразвитым миром, прошел длительный исторический период.

Большинство стран современного мира его не достигли по различным причинам: природным, религиозным, господствующим обычаям, гнетом властолюбивых тиранов. А другие страны, которые этого уровня достигали, были отброшены далеко назад, не только из-за невозможности постичь экономические закономерности, но и из-за тиранической алчности ублюдков, пришедших к власти путем гипертрофической лжи и изуверского насилия, чинимого над собственным народом, последствия которого сохраняются до сих пор в постсоветских и других странах.

Поскольку малоразвитые страны не достигли уровня классического капитала, возникает настоятельная необходимость выяснения того превращенного и сущностного категориального аппарата, который ему соответствует, для проведения адекватной экономической политики, ее юридических форм и методов, для достижения уровня развитого капитала, чтобы развиваться дальше до уровня XIX века высокоразвитых ныне стран. Более того, определить и тот категориальный аппарат, который соответствует этим странам в XX и XXI веках, а также оценить проводимую ими экономическую политику.

Если исследовать экономику Англии в XVIII веке, отраженную в трудах Адама Смита, то обнаруживается, что уровня стоимостных отношений страна еще не достигла, они начали складываться только во времена Д.Рикардо, то есть в XIX веке.

Стремясь определить внутреннюю сущность отношений рыночного обмена, А.Смит оперирует не стоимостью, а внутренней рыночной ценой, которая у него связана с приравниванием полезности. На английском языке того времени она называлась «value» и означала вовсе не стоимость, которую ей приписывали Рикардо и Маркс, а полезность вещи, которую впоследствии стали называть потребительной стоимостью – «use value». Именно тогда резко возросло значение труда, появилась стоимость как категория, основанная на приравнивании простого труда, возникшего внутри предприятия на базе подетальной специализации. Все это лишний раз подтверждает необходимость придерживаться эволюционного метода анализа, а не только логического – эпохи классического капитала.

А.Смит идет в своем анализе дальше, вглубь и считает, что труд был основой приравнивания полезности только в «примитивном обществе», а в современном – внутреннее содержание цены определялось трудом, капиталом и земельной рентой [3]. Здесь у А.Смита уже три уровня экономического анализа: рыночные цены, внутреннее их содержание – полезности вещей для человека, которые во времена Смита называли «value», и то, из чего состоит внутренняя цена товара – заработная плата, прибыль и рента. На этом Смит не останавливается и идет дальше. Если заработная плата создается трудом, рента – землей, по сути природой, то величина прибыли на вложенный капитал, под которым он понимает сумму денежных средств, зависит не только от деятельности капиталиста, но и от размеров функционирующего капитала. Здесь фактически поднимается

проблема, которую Смит в то время решить не мог, но которая впервые встала перед наукой, в чем она до сих пор так и не разобралась, а именно: что такое капитал, что и как он создает?

У Рикардо все создается трудом, за исключением количественно редких вещей, что фактически создается самой природой, и земельной рентой, исследованной Т.Мальтусом. У К.Маркса, создавшего «Капитал», его сущность объясняется стоимостью, создающей прибавочную стоимость. Но понятие стоимости, источник ее возникновения остался по существу не раскрытым. Если согласно Марксу считать, что все создается общественно необходимым трудом, который возникает на рынке сам по себе, то роль природы, ее познание и использование человеком, преобразующим рыночную форму, остались до конца не выясненными.

Таким образом, главная ошибка Маркса, во многом закрывшая осознание главного пути развития экономики, отражающего гегелевский закон «отрицание отрицания», заключалась в неверном определении стоимости и времени ее возникновения. Стоимость согласно Марксу стихийно сводится на рынке в общественно необходимый средний труд и возникает еще у Петти в XVII веке, тогда как сложный и простой труд не совместимы и не могут стихийно уравниваться, так же, как мозговые усилия и трудовые. Стоимость поэтому может сформироваться лишь в XIX веке, когда разделение труда внутри предприятия достигает элементарно простого – сравнимого и сопоставимого на рынке, тем самым образуя стоимость.

Thereby, the main mistake Marx has made, what in many respects locked the way to comprehend a principal path of economy development, reflecting the Hegelian law «The Negation of the Negation», was concluded in incorrect definition of the cost (value) and time of its origin. Marx agreed with Petty, that the cost (value) had come down to the market spontaneously in a form of socially necessary average labour in XVII century, whereas an elaborated and a simple labour are not compatible and cannot spontaneously be equalized, just like as brain efforts cannot be equalized with a plain labor. The cost (value), therefore, could not be shaped up before XIX century, when division of labour inwardly enterprises reach elementary simple – comparable and commensurable on the market, hereunder forming cost (value).

При этом главное, от чего зависит все дальнейшее развитие человечества, состоит в том, что простой труд неизбежно вырывается за пределы предприятия и становится основой деятельности мелких фирм, требуя уже не стихийного, а сознательного управления – плановости. Тем самым закладываются эволюционные (без революционных потрясений) основы развития нового общества, отрицающие стихию капитала и формирующие новое общество, согласно Марксовской терминологии – социалистическое.

Глубоко скрытое, сущностное экономическое содержание начинает выступать на поверхность, порождая в дальнейшем в развитом обществе такое бессмысленное понятие, как «человеческий капитал», то есть без элементарного понимания, что капитал – это развитый всеобщий рынок XIX века.

На протяжении всего XX века и далее происходит научно-техническая революция, плоды которой без надлежащей экономической политики достаются весьма немногим, превращающимися в миллиардеров и миллиардеров, вкладывающих свои «капиталы» уже не в производительную деятельность, а в развлечения, сокровища, отдых, даже более всего – в профессиональный спорт. Последний превращается не только в источник огромного обогащения нуворишей, но и в азартное, доходящее до дикости поведение огромной массы людей, отвлекая их от культурных ценностей и целесообразной деятельности.

По мере роста реального обобществления в форме монополий непрерывно ослабевают рыночные связи в экономике высокоразвитых стран и усиливаются непосредственные прямые

производственные связи, которые называются планомерными, прямо противоположные товарным, тем самым ослабевает действие экономического кризиса (business cycle), который теперь переплетается с денежными кризисами, отнюдь не финансовыми. Они вызываются избытком денежных средств, возникающих в сферах высоких технологий, особенно в XXI веке. Эти средства устремляются по всему миру, прячась от налогообложения, в том числе в так называемых свободных экономических зонах, в слабо развитых странах, швейцарских банках, профессиональном спорте и т.п.

Сокращается непосредственно производственная сфера, где еще работает цикл и возрастает сфера высоких технологий, которые осуществляют собственное планирование и менее подвержены циклу.

В производственных сферах (промышленности, сельском хозяйстве, в сфере товародвижения, а это примерно 35-38% ВВП развитых стран) возникает необходимость планирования, тем самым ослабляется воздействие цикличности, которая связана с рынком [подробно см. 4].

Полезность при массовом поточном производстве становится предельной, труд теряет стоимость, превращается в предел. В результате вновь созданная ценность общественного продукта (национальный доход) выглядит таким образом:

$$\text{Yield} = L^*(\Delta Y/\Delta L) + K^*(\Delta Y/\Delta K) + N^*(\Delta Y/\Delta N),$$

где

Yield – вновь созданная стоимость;

$L^*(\Delta Y/\Delta L)$ – предельная ценность применения труда;

$K^*(\Delta Y/\Delta K)$ – предельная ценность монополизированной природы;

$N^*(\Delta Y/\Delta N)$ – предельная ценность земельной ренты.

Производственные связи выходят наружу, а не скрыты многими слоями превращенных экономических форм, как в эпоху классического капитала. Товарный фетишизм резко ослабевает, уступая место денежному фетишизму, который приводит к деградации личности, стремящейся к обогащению.

Наиболее сложным для экономического анализа и его реализации на практике остается положение малоразвитых стран, которые вместе со среднеразвитыми составляют около 200, на долю которых приходится не более 30% ВВП всего мира. Отличительная особенность этих стран – многоукладность экономики или мозаичность отдельных сфер, отраслей и предприятий, закрепленная безграмотностью руководства, не понимающего даже, что такое рынок, экономика и как она функционирует. Без чего они обречены на вечное прозябание и нищету, за исключением богачей – нуворишей, прекрасно осознавших, что в нищих странах гораздо легче стать богатыми, чем в процветающих.

Отсюда исключительная сложность понимания экономического состояния постсоветских стран, даже европейских, уровня их развития, точнее недоразвитости, понимания самых неотложных мер для их спасения. Ведь все, что говорят, в частности, ведущие экономисты Украины и России, стремящиеся осмыслить происходящее, это то, что экономика у нас «переходная». От чего к чему, правда, непонятно. Да и вообще термин «переходность» не приемлем. Ведь экономика – это объективная рыночная среда, порожденная разделением труда, которая, если не дают ей проявиться, находится в глубоком подполье, действует в условиях черноты, прорываясь только для тех, кто находится у власти, для их непомерного обогащения, тогда как народ находится на грани нищеты, то есть состояния, напоминающего феодальное господство и даже в чем-то рабство.

Общество, где вся система власти, называемая до сих пор сверху донизу советами, где правоохранительные органы на самом деле – правоуничтожающие, от судов до милиции. Они существуют для того, чтобы не дать рыночным связям проявиться, сковывая их кандалами мелочного контроля, запретов и

поборами. И только через образовавшиеся щели пробиваются плоды производства, особенно в мелком крестьянском хозяйстве, в частном секторе, в основном в сырьевой продукции, металлургии и добывающей промышленности.

Поэтому общая задача для нас – построение капитализма, возникновение свободного рынка, когда главная экономическая политика для нас – это никакой экономической политики, как поняли еще французские физиократы («laissez faire laissez passer»): пусть идет, как идет, или дайте экономике полную свободу. Для нас это единственное основное направление экономической политики, не скованной никакими запретами, с прогрессивной системой налогообложения, особенно с резким ростом высоких личных доходов, но никак не прибыли.

Мы еще находимся на таком уровне развития, когда создание буржуазно-демократического общества становится для нас главной задачей. Именно того общества, которое начало возникать в России еще в феврале 1917 года и было преступно оборвано большевистским переворотом, который вовсе не был революцией, а стал типичной контрреволюцией, повергнувшей нашу историю вспять, к временам тирании и рабства, прикрытого гигантской ложью и несбыточными обещаниями.

Почти все, что в этой системе развивалось, было связано с военным производством, а изуверский террор над собственным народом привел не только к уничтожению свободомыслящего населения, но и к потере большинством из выживших необходимых человеческих качеств – морали и нравственности.

Теперь самым главным для нас становится обеспечение свободы – свободы человека, возможность получать всю информацию обо всем, возможность воспроизводить свою рабочую силу физически и нравственно, свобода перемещения для поиска лучших условий труда. Все то, что называется возможностью восстановить свою способность к труду, без чего рабочая сила не может стать товаром.

Без социальной свободы невозможно образование разномыслящих партий и организаций, невозможно избавиться от оков окостеневших советов, фиктивных правовых учреждений: судов, прокуратуры, милиции и т.п. учреждений. Невозможна социальная свобода без избирательного права, без насилия и надувательства, когда каждый гражданин должен знать, кто его представляет на местном и государственном уровне.

Но главное – это необходимость экономической свободы, когда будут разрушены все преграды, мешающие свободе перелива капитала. Когда будет создано главное условие этой свободы – хорошо организованная частная товарная, а затем и фондовая биржа, которые не могут работать без «быков» и «медведей», без фьючерсных контрактов, без хеджирования, то есть без хорошо организованной спекуляции, важнейшего условия стабилизации цен и роста экономики, без всего того законодательного аппарата, на основе которого она функционирует. Кроме того, необходимы настоящие, а не фиктивные банки, которые даже не осуществляют необходимых операций с основным и оборотным капиталом – лизинг и факторинг, без рынка ценных бумаг, без учета векселей, без непосредственной связи с центральным банком, регулирующим ставки по различным операциям, со многими другими условиями, обеспечивающими экономическую свободу человека.

Вместе с тем для обеспечения экономической и политической (социальной) свободы необходимо коренное изменение существующей системы налогообложения. Необходима радикальная налоговая реформа с прогрессивной системой обложения, особенно на высокие личные доходы. Так в условиях «великой депрессии» поступил Ф.Рузвельт, доведя налоги на миллионеров до 94% с личных доходов.

But the main thing is a necessity of economic freedom, when all walls preventing an overflow of the capital will be destroyed; and the main condition for this will be created – a well-organized

private commodity, and then a stock exchange, which cannot work without «bulls» and «bears», futures contracts, hedging, i.e. without well-organized speculative activity – a major condition of stabilizing of prices and economy growth; all that legislative vehicle it is based on.

Furthermore, there is a need for establishment of a true bank system, instead of existing presently fictive one, when banks do not even perform necessary operations with both capital and working assets – leasing and factoring; without the security market, without promissory notes accounting, without a direct connection with the national bank regulating the rates on various operations; and many other conditions providing personal economic freedom.

Along with that, for provision of economic and political (social) freedoms, a drastic change of existing taxation system is «a must». We need a radical tax reform with progressive taxation system, especially for high personal incomes. That is what was done by F. Roosevelt during the «Great depression», when he maximized taxes for millionaires up to 94% for personal incomes.

Без всего этого, кратко перечисленного, экономика не работает, то есть без создания буржуазно-демократического общества создание капитала невозможно. Это все то, что было достигнуто многими, прежде отсталыми колониальными и феодальными странами. Достаточно вспомнить Японию, Южную Корею, Тайвань, Сингапур, которые за сравнительно короткий период преодолели даже и тот общественный строй, который называется капитализмом.

У нас, к сожалению, отсутствуют даже необходимые элементарные экономические знания, которые позволили бы понять, что мы еще находимся в XVIII веке теперь высокоразвитых стран. Поэтому постигнуть действия экономического цикла и его главной фазы кризиса было бы для нас большим историческим достижением. Ведь экономический кризис приводит в равновесие экономическую систему, уничтожая все устаревшее, и создает главный импульс для развития всего общества. Пока же мы находимся в зависимости и от того денежного кризиса, который периодически сотрясает высокоразвитый мир.

ВЫВОДЫ

Экономическая политика любой страны должна соответствовать уровню развития рыночных, товарных связей. Поэтому существует настоятельная необходимость определить ее уровень развития.

Украина пока не достигла уровня классического капитала, то есть развитых товарных отношений, который страны Западной Европы достигли еще в XIX веке.

Для построения капитализма в нашей стране необходимо обеспечить экономическую и политическую свободу, провести радикальную налоговую реформу, создать необходимую рыночную инфраструктуру.

The economic policy of any country must correspond to the development of market and commodity relations. Therefore, there is an urgent need to identify the level of its development.

Ukraine has not yet reached the level of the classical capital, which Western Europe has reached in the nineteenth century.

For the construction of capitalism in our country it is necessary to provide economic and political freedom, a radical tax reform, to create the essential market infrastructure.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. Капитал. Т.1. – М., Политиздат, 1983.
2. Самуэльсон П., Нордхаус В. Экономика. 16-е изд. – М., Издательский дом «Вильямс», 2000.
3. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: ЭКСМО, 2007.
4. Мартыновский С.В. Экономическая политика: проблемы достижения цели. – Одесса: Пальмира, 2008.